

Манифесты от имени императора Иоанна III о невинности лиц, пытаных и сужденных в правление Бирона.

Божиею милостию мы Иоанн третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем во всенародное известие:

В нынешнем 1740 году, не по долгом времени вступления нашего на всероссийский престол, по некоторым следствиям действительный статский советник Андрей Яковлев, бывший в нашем кабинете статским советником во управлении секретарской должности, полковник Любим Пустошкин, ассесор Михайло Семенов, бывший при дворе вселюбезнейшей нашей государыни матери, ее императорского высочества великие княгини и правительницы всеа России секретарем, подполковник Петр Граматин, бывший при вселюбезнейшем нашем родителе государе, его высочестве герцоге брауншвейг-люнебургском адъютантом; да нашей же лейб-гвардии офицеры, а именно: капитаны Петр Ханыков, Михайло Аргамаков, князь Иван Путятин, подпоручик Иван Алфимов — к розыску были приведены, в котором будучи, неповинно страдали и кровь свою проливали. Но при том паче простираясь по своей подданической должности нам, яко природному и истинному своему государю и всей нашей императорской фамилии, верно служили и ревностно поступали, не щадя живота своего, за которые их истязанные притязания и верные службы нашею императорскою милостию награждены и по прикрытии знаменами паки в нашу службу употреблены: действительный статский советник Яковлев, по прежнему, в наш [633] кабинет, полковник Пустошкин в Санктпетербургский гарнизон, ассесор Семенов в иностранную коллегия, подполковник Граматин при вселюбезнейшем нашем государе родителе. А гвардии офицеры при гвардии по прежнему оставлены. И о непорицании их тем, что они были в катских руках нашими всемилостивейшими указами снабдены, с таким высочайшим повелением, ежели кто тем кого из них порицать дерзнет, оный тяжчайший наш императорского величества гнев на себя примет, и сверх того повинен заплатить тому обидимому бесчестья против окладу жалованья, кто какое по рангу своему получать будет, вдвое. Следственно ж и с прочими бывшими в крепости под караулом за такую ж оказуемую ревность, какая наша императорская милость показана, о том в народ объявлено будет особым манифестом. И для того сей наш императорского величества всемилостивейший указ повелели мы, напечатав, во всем нашем государстве публиковать, дабы о том все были известны, и взирая на толь ревностные вышепомянутых наших верноподданных постуки и нашу к ним показанную за то императорскую милость и награждение помянутую свою пред Богом учиненную присягу нам, яко природному и истинному своему государю, верно служили.

Дан в Санкт-Петербурге, декабря 15 дня 1740 г.

На подлинном подписано рукою ее императорского высочества государыни правительницы, великой княгини всеа России тако: именем его императорского величества Анна.

Печатан в Санкт-Петербурге при сенате декабря 16 дня 1740 г.

В "Петербургских ведомостях" 1740 г. № 30, новый манифест от 4 апреля.

“Хотя из опубликованного в народ от 10 декабря прошлого 1740 года нашего указа всем уже известно, кто из наших верных подданных, имея к службе нашей ревность, будучи в розысках неповинно страдали и нам, яко природному и истинному своему государю, и всей нашей императорской фамилии верно служили и какую за то нашу императорскою высочайшею милостию награждены, — а понеже тогда ж и другие наши верные подданные жестокий арест неповинно терпели, о которых в том нашем указе было не объявлено, а именно: гвардии нашей бывшие капитаны Василий Чичерин, Никита Соковнин, капитан-поручик Андрей Колударов, адъютант Вельяминов Зернов, прапорщик Иван Ознобишин, сержант Нил Акинфьев, солдат Федот Сеченой, нашего генерала Ушакова генеральс-адъютант Иван Власьев, портовой таможи обер-директор Иван Романчуков, ротмистр Александр Мурзин, капитаны санктпетербургского гарнизона Иван Бровцын, отставной Василий Аристов, инженерного корпуса фискал Прохор Муравьев, прапорщик Петр Постельников, партикулярной верфи комиссар Яков Милюков, да бывший комиссар же Игнатий Зиновьев, монетного двора казначей Осий Пустошкин, дворяне: Богдан Тырков, Федор Ушаков, которые за их оказанные нам и всей нашей императорской фамилии верные службы и ревностные поступки, яко же и прочие, нашу императорскою милостию — некоторые чинами и определением в службу нашу в прежняя места, а другие деньгами награждены. И чтоб о такой нашей императорской милости, которые к нашим верным подданным за добрые и ревностные поступки незабвенно происходить всем было известно (sic), того ради указали мы о том всенародно сим манифестом публиковать”.